

Столичный мошенник

Оглохла русская земля. Деревни в себя ушли - вросли в песок и в глину. А те, что пока возвышаются полуразрушенными избами за ухабной колеєю, те не деревни и не дачи, те - навесы для сезонных хозяев. Насадят луку и картошки, разворочают грядки в огороде и пропадут. Это весной. А осенью объявятся. Опять разворочают и сгинут.

Ходит по такой брошенной деревне бабушка Пелагея, вздыхает мимо чужих калиток, закрытых замком, суровым, городским:

«Тута Пронины жили!.. Тута Дарюгины жили!.. Тута Галкины жили!.. Тута Комаровы жили!..»

Пелагея в сапогах, охотничьих, с длинными закатанными голенищами. В куртке, летчитской, начальственного покроя. И в шлеме с наушниками. Под курткой гимнастерка. Амуницию, воздушнодесантскую Пелагее подарил отставной капитан Сережа. Сергей Васильевич. Русый, молодой, добрый, на сына Пелагеи похожий, погибшего в Сталинграде командира истребителя, Сергея.

Зиму Пелагея одолела: ни разу не загрипповала, ни разу не поскользнулась, нося от колодца ведра с водой, себя содержать, козу поить, кур питать, ни разу. Ни разу и вьюга не замела ее окраинный домишко, присевший за бугром перед околицей, низкий, хилый и напуганный. Еще бы?

Из ста дворов осталось тринадцать. А он, тринадцатый, несчастливый. Трактор притарахтит - сковырнет. Теперь демократия: председатель продаст - и не пикнешь, приватизация же. А коли приватизация - хапай, ежели деньгу имеешь, хапай!..

Бабушка Пелагея и пробирается под оконными тропками, глядит - не заприватизировал ли кто очередной участок себе на ее разоренной улице. Не позарился ли кто на ее дворик, живой курами, козю и петухом Афанасием, разбойником, бросающимся на незнакомых и клюющий их неостановимо. И кот, пегий плут, петуху помогает.

За пустую и снежную зиму бабушка Пелагея дичает. Коза дичает. Петух на кур орет. Кот бегаёт за семь километров на чужой хутор к молоденькой кошечке. Его уже и ловили, и лупили, и лапу ему ломали, и хвост ему прищемляли - бегаёт. Однажды и ее привел к Пелагее в гости. Ну, киса. Мяучит. Фыркает. То да се, а есть ничего не желает: пища у Пелагеи какая? Хлеб. Супик. Чаек. А она, догадалась Пелагея, из председательского дома, сытая. Эка гадость. Фыркнула - бросила кота. Но - помирились. Злобы-то не таят друг к дружке.

Бабушка Пелагея простучала батожком каждую калитку - не открыта ли, и вернулась под родимую крышу. Кот урчит, встречая ее. Коза веселится, блеет и копытцами о порог брякает. Куры шебуются. Петух звон создает - голосина, как у честного дореволюционного попа: густой, мощный, басистый. Пелагея помнит их, священников старой выучки, хоронила их, на себе возила на санках, на дровнях, когда как.

Пелагея не нарадуется - зима кончилась. Пусть не лютая, а зима была. Снегом не заносило избу. Но морозы ударили внезапно и грозно - щель образовалась в красном углу, под иконой, жутковато Пелагее смотреть: иней серебрится, холод седой дышит смертью, а бабушка Пелагея одна. Никого в деревне Пасынки. И название-то деревни - Пасынки. Пасынки мы и есть, подумает Пелагея, кормя утром кота, петуха, кур, козу, пасынки!..

Но угол треснул - не к добру. Слышит бабушка, приемник-балабон у нее на столе, самолеты режут: Буш бомбить в январе арабов начал, Хусейна. Бомбит и бомбит, бомбит и бомбит. Наверно, арабам хуже, чем бабушке. Одиноко, но не под огнем Пелагея, а там - нефть горит, кирпичи на голову сыплются, пустыня пылит, полная тьма. И дети плачут. Курды гибнут. А Буш с Хусейном враждуют.

Трубы с газом клали, про бабушку Пелагею забыли - кому нужен ее домик, где всего-то: кот Григорий, петух Афанасий, куры да коза? Трубы с газом кладут городам, поселкам,

председателям, как их, Заде!.. Абай Заде - председатель колхоза, но Пелагея не встречала его. Заде теперь куда ни кинь, Заде, Заде и Заде. Кошечка - родственница Заде, богатого человека, председателя, а Григория обожает, тварь, а самостоятельная.

И в соседнем колхозе председатель - Заде. Беженцы с Кавказа спускаются - к Заде. Заде разные, а беженцев с Кавказа и Азии устраивают на голых русских усадьбах, заросших бурьяном, правда. Русских-то побили на войнах, в тюрьмах угробили, водкой отравили, а Заде едут: получай участок, резвись на огурцах и помидорах!

Русские-то беженцы не беспокоят Заде - зря чего беспокоить? Ни клочка не дадут. Да и денег, купить, у русских не найдешь днем с огнем. Деньги у Заде. Согнали русский народ с земли, выпотрошили из русских до копейки все, что могли выпотрошить, и давай предлагать им:

- Приобретай детсадик!..

- Покупай мастерскую!..

- Разводи кроликов!..

- Виллу заказывай!..

Ну и ну! От монголов русский народ отбился. От шведов русский народ отбился. Отбился и от грозных тевтонов. А вот от Заде не от отобьется. Заде сам едет и десятерых задедочек везет: жены у них не через девять месяцев родят, а, слыхала Пелагея, ускоренным способом, родят через три-четыре месяца, и ребятишки вскрикивают по-русски:

- Привет реформам!..

- Привет реформам!..

Перестройка, Пелагея поняла, доконает русский народ до точки и Россию передаст в наследство Заде.

Январь в России - жёсткий месяц: калитку завалило сугробом, придвинуло ком целый, Пелагея тыкала, тыкала затупленною лопатой, а сугроб оледенел на морозе, лопата звенит и сугроб звенит, а калитка запечатана и через забор не перескочить бабушке на свободу. Иззяблась Пелагея без толку и бросила мероприятие, в избу удалилась.

А в избе не выключенный телевизор, мигает и мигает, прорва останкинская, и на экране круглощекий генерал сидит. Разинет рот - щеки гремят, как два будильника, с вечера там заведённые. Противный. Вот Сережа, Сергей Васильевич, капитан, подаривший ей амуницию, парень - совестливый, и её Серёжа, да, тоже Васильевич, тоже - совестливый, а почему же генерал начальник?

А генерал, поплескивая омедаленными лацканами кителя, устрашал Саддама Хусейна: «Пять тысяч пушек, три тысячи танков, восемьсот истребителей, две тысячи ракет, около шести тысяч бронетранспортёров, но данные уточняются и уточняются!..» - ликовал будильникомордый генерал.

И Пелагея возмутилась. Имей она телефонную связь - набрала бы номер генерала, а имей она связь стратегическую - в секунду омрачила бы неизвестного полководца. И заявила бы Пелагея следующее: «Ты генерал, ты заслуженный командир. Ты и учился, поди, только на пятёрки, как в гимназии Владимир Ильич Ленин, но с чего ты, с лиха, с обалденного успеха ли, сорить мотнёю и чешешь грамотный язык о чужую броню, чужие колёса, чужие бомбы, чужую кровь? Эх, генерал ты, генерал, а разве я благополучнее ветхой арабки, на которую сейчас Буш и ты целите взрывы?..»

Молчалива бабушка Пелагея. Никого она не укоряла, никого не виноватила за судьбу собственную, а тут, здесь, сейчас у неё заклинилась под усталым сердцем боль: «Эх, генерал ты, генерал, сынок ты дурной, подсчитал бы ты лопаты мои сугробные, сколько

я их приподняла, а сугроб невредим и калитка моя в мир запечатана, так и не встретимся мы с тобою!»

И захотелось бабушке Пелагее отыскать в столе мучную скалку, найти и треснуть ею генерала по босому лбу. Но смекнула Пелагея: «На экране генерал не настоящий, манекенный, включают его и выключат, а он и не догадается!..»

Пелагея к вражде царей привыкла. Ленин с Троцким враждовал. Сталин - с Гитлером враждовал, Хрущев со Сталиным сильно враждовал. А Хрущева даже у Кремля похоронить не пустили, мертвого-то. Отдельно похоронили вождя. Брежнев с ним враждовал. Дети, говорят, слыхала Пелагея, пили, а он, несчастный, из-за них государство уронил.

Зимой грустно, скучно бабушке. Одна, затерянная за трассами и за эстакадами, за березовыми колками, за белыми холмиками, одна. Москва лишь в приемнике гудит. А за калиткой - нетронутый свежий снег и белый ветер. Как одежда покойника, трепещет и думы навевает. Белый, белый ветер, куда ты летишь?..

Муж Василий к Пелагее во сне стучится - осторожно, без нажима на дверь, виноват вроде: одну оставил мыкать горе, а сын, Сергей, летчик, стучится настойчивей, словно проголодался и к мамке рвется, герой глазастый. Бабушка сожмется в постельке, прикиннет к подушке и молчит, и молчит, а слезы совсем сдавят ей горло ни вскрикнуть и ни подняться. Эх, зима, зима, метешь ты и воешь, проносишься ты по белым просторам русским, а успокоиться нигде не можешь, всюду - сиротство, всюду разорение и скорбь!..

Пелагея никому не причинила и малой неприятности. Характер у бабушки ласковый, а берет она для себя в мире - крошки, только б существовать и солнышко чувствовать. Но и такую, добрую, тихую, Пелагею обижают. Обижают войнами. Обижают несправедливостью, когда верховные жрецы речи молотят. Обижают ценами, когда взвинчивают их, и Пелагея хмурится, но не просит Бога наказывать грешников. Бог сам знает, кого щелкнуть. Бога не проведешь.

Залез как-то к бабушке заблудший вор, столичный экстермист, пожалуй, и - хватъ

петуха. А в это время кот со свидания возвращался, карабкаясь под стреху, а по перекладине намечал опуститься к двери. Но Афанасий, как заорет, как взмахнет крыльями, кот не ожидая подвоха, и прыгнул с перекладины на голову грабителю, и тоже, как заорет Григорий-то, как на макушке грабителя вертанется, как лапами вцепится - столичный мошенник, взбаламутя козу и кур, высигнул со двора, Пелагея и приметить не успела ни одежды, ни лица, ни голоса. Осень стояла теплая, звездная. Тень скользнула мимо окна и пропала. Кто лез? Размышляет Пелагея: «Вот Буш в Ирак вломился. Мой вор убежал - кота и петуха струсил. А Буш не боится Хусейна. Армию держит в пустыне и народ мутит. Передрались. Перестрелялись люди, близкие, знакомые, а?» Пелагея опять включает телевизор. Опять вздыхает: «Сережа, тезка моего убитого сына, амуницию подарил, а Буш расстреливает пустыню, а в пустыне-то люди живут. Танки послал. Пушки прикатил. Ракеты нацелил. Сколько же можно?..»

Бабушка Пелагея горько крестится:

- И сам заболел, ритмия какая-то на него накидывается, ритмия!..

???